

Лексико-тематическая группа обозначений мыслительных процессов в лексической структуре рассказов А.П. Чехова

Кунтыш М.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье осмысливается конкретная лексико-тематическая группа как элемент лексической структуры рассказа.

Цель исследования – выявить качественный и количественный состав лексико-тематической группы обозначений мыслительных процессов, определить значимость рассматриваемых лексем в структуре образа и проанализировать организующую роль данной тематической группы в лексической структуре рассказа.

Материал и методы. *Материалом для научного анализа лексико-тематической группы как элемента лексической структуры рассказа стали 10 произведений А.П. Чехова. Основные методы исследования – структурно-типологический, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматривается состав слов заявленной тематической группы с учетом количественного параметра в соответствии с содержанием рассказов. Для лексической структуры текста важно выявить соотношенность элементов разных тематических групп, поэтому интерпретируются семантические связи данной лексико-тематической группы с другими, в частности с обозначениями эмоционального состояния, обозначениями персонажей. Существенным фактором текстообразования являются закономерности распределения по тексту лексики, обозначающей мыслительные процессы. В данной лексико-тематической группе условно выделены 6 подгрупп, в которых акцентируется семантика памяти, размышления, знания и понимания, решения, воображения, видов умственной деятельности. Анализируются также объекты мыслительной деятельности, их лексико-грамматическое выражение.*

Заключение. *В лексической системе рассматриваемых рассказов субъекты и предикаты лексико-семантической группы обозначений мыслительных процессов довольно многочисленны и разнообразны, они встречаются во всех текстах. Однако рассказы различаются системой средств выражения мыслительной деятельности персонажей количественно и качественно, что непосредственно связано с формой и содержанием художественного произведения. Лексико-семантическая группа обозначений мыслительных процессов тесно связана с лексической группой обозначений эмоционального состояния. Обозначения мыслительных процессов участвуют опосредованно в передаче душевного состояния человека или лишь указывают на него, они могут воссоздавать атмосферу неуверенности, растерянности персонажей.*

Ключевые слова: *теория текста, текстообразование, лексическая структура рассказа, лексико-тематическая группа, обозначения мыслительных процессов.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 108–115)

Lexical-Thematic Group of Designations for Thinking Processes in the Lexical Structure of Stories by Anton Chekhov

Kuntysh M.F.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article comprehends a specific lexical-thematic group as an element of the lexical structure of the story.

The purpose of the study is to identify the qualitative and quantitative composition of the lexical-thematic group of designations for thinking processes, to identify the significance of the lexemes under consideration in the structure of the image and to analyze the organizing role of this thematic group in the lexical structure of the story.

Material and methods. *The analysis material was 10 works by A. Chekhov. The main research methods are structural-typological, descriptive-analytical, comparative.*

Findings and their discussion. *The article examines the composition of the words of the previously named thematic group, taking into account the quantitative parameter in accordance with the content of the stories. For the lexical structure of the text,*

it is important to identify the correlation of elements of different thematic groups. Therefore, the semantic connections of a given lexical-thematic group with others are interpreted, in particular with designations of an emotional state, designations of characters. An important factor in text formation is the pattern of distribution of vocabulary which denotes mental processes throughout the text. In this lexical-thematic group, 6 subgroups are conventionally distinguished, in which the semantics of memory, reflection, knowledge and understanding, decision, imagination, and types of mental activity are emphasized. Objects of mental activity and their lexical and grammatical expression are also analyzed.

Conclusion. In the lexical system of the stories under consideration, the subjects and predicates of the lexical-semantic group which designates mental processes are quite numerous and diverse; they are found in all texts. However, the stories differ in the system of means of expressing the mental activity of the characters quantitatively and qualitatively. This is directly related to the form and content of a work of art. The lexical-semantic group of designations for thinking processes is closely related to the lexical group of designations for emotional states. Designations of thinking processes participate indirectly in conveying a person's state of mind or only indicate it. They can recreate the atmosphere of uncertainty and confusion of the characters.

Key words: text theory, text formation, lexical structure of the story, lexical-thematic group, designations of thinking processes.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 108–115)

Интерес к тексту как результату речевого взаимодействия людей, многообразие подходов к анализу художественного произведения, выявление многочисленных аспектов рассмотрения текстовых категорий, структуры текста разных типов, функционирования в нем различных языковых средств свидетельствуют об актуальности проблематики текста в современном языкознании. Проблемам исследований в этой научной области посвящены работы таких ученых, как Т.М. Дридзе, Т.В. Матвеева, П.Г. Буга, Е.С. Кубрякова и др. Функционирование языковых единиц в тексте, категории сверхфразового единства, произведение как структура рассматриваются в работах Л.Г. Бабенко, М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, А.П. Клименко, Г.Я. Солганика и др. В.А. Маслова утверждает, что «анализ языкового материала ... исходная позиция, без него невозможен ни литературоведческий, ни стилистический, ни другие виды анализа текста» [1, с. 4].

Цель данной работы заключается в выявлении качественного и количественного состава лексико-тематической группы обозначений мыслительных процессов, определении значимости рассматриваемых лексем в структуре образа и анализе организующей роли данной тематической группы в лексической структуре рассказа.

Материал и методы. Материалом для анализа выбраны 10 рассказов Антона Павловича Чехова, написанных в 1887–1889 годах (общий объем рассказов – 110 страниц (34800 слов). Основные методы исследования – структурно-типологический, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Исследование лексической структуры текста предполагает, в частности, рассмотрение тематического состава слов, анализ лексико-семантических связей и изучение закономерностей распределения лексики в тексте.

Содержание и строй мысли, особенности мыслительных процессов оказываются выражением внутренней сущности человека, которая является предметом интереса писателя. Как отмечает А.В. Абакумова, «чеховский герой погружен в себя. Разумеется, и он что-то делает и что-то говорит. Но это “что-то” всегда

вторично, менее значимо для героя, чем то, что он думает и чувствует, чаще всего совсем не связано с тем, что он делает в данный момент. Гуров думает о своей любви, идя по улице и рассказывая о чем-то дочери, которую он провожает в школу» [2, с. 17].

Естественно, что в структуре текста существенна группа предикатов, обозначающих процессы интеллектуальной деятельности, при этом отметим также, что лексико-семантическая группа обозначений мыслительных процессов тесно связана с лексико-семантической группой обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления, исследованная нами ранее в рамках тех же рассказов А.П. Чехова [3].

В лексико-семантической группе обозначений мыслительных процессов можно выделить следующие подгруппы: 1. Наименования процессов памяти. 2. Слова со значением размышления. 3. Обозначения знания и понимания. 4. Глаголы решения. 5. Лексика воображения. 6. Обозначения различных видов умственной деятельности. Подчеркнем, что «понимание близко к знанию, но отличается от него: знание характеризует определенное отношение к тексту, а понимание – к знанию о нем. Понимание близко к интерпретации, но отличается от нее тем, что понимание может быть невербальным» [1, с. 37], что актуально не только для осмысления текста, но и для осмысления жизни.

Слова *не помнить* (и однокоренные глаголы *вспоминать(ся)*, *припоминать*, *напоминать*), *забыть*, *памятны*, *память*, *воспоминания*, встретившиеся в анализируемых рассказах, обозначают мнемические процессы и их результат. Эти лексемы появляются в текстах 65 раз. Существительные употребляются в следующих сочетаниях: *приходить/прийти на память* («Володя», «О любви»), *в памяти было все ясно*; *воскресало в памяти все*, *воспоминания разгорались все сильнее* («Дама с собачкой»), *нахлынут воспоминания* («Душечка»), *грязные воспоминания* («Володя»).

По количеству употреблений слов семантической подгруппы обозначений процессов памяти выделяются рассказы «Верочка», «Дама с собачкой», «Володя большой и Володя маленький», «Володя».

Предикат *помнит* в 1-м абзаце рассказа «Верочка» указывает на форму рассказа (воспоминание), далее

в тексте неоднократно появляются лексемы, называющие мыслительный процесс припоминания. Неоднократное (11 раз) появление глаголов памяти (*помнить, вспоминать, припомнить, припоминать*) в рассказе «Верочка» связано с тем, что это произведение имеет форму воспоминания главного героя. К тому же в этом рассказе наблюдается как бы «воспоминание в воспоминании» (при прощании с Верочкой Огнев вслух припоминает события, происходившие в то время, когда он жил у Кузнецовых).

Предикаты мышления соединяются с обозначениями банкира («Пари»), поскольку описываемое в первой части произведения преподносится читателю как воспоминание банкира о пятнадцати годах, прошедших со дня заключения пари. Предикат *вспоминал* встречается в тексте 4 раза. Глаголы *думал* и *подумал* также появляются неоднократно: банкир размышляет о последствиях проигрыша, замышляет убийство.

В рассказе «Дама с собачкой» в конце первой главы значимы предикаты *вспомнил* (3 раза), *думал*, *подумал*. 41-й абзац тоже построен на лексике, обозначающей мыслительные процессы (*память* (3 раза), *воспоминание* (2 раза), *вспоминал*, *мечты*, *воображение*). Фактически такое же значение имеет здесь предикат зрительного восприятия: «*Закрывши глаза, он видел ее, как живую...*». И далее естественны при анализе собственного состояния, чувств предикаты мышления: *думал* (2 раза), *мечтал* (58-й абзац), *думал* (61-й абзац), *вспоминал* (62-й абзац), *думал* (71-й абзац). Группа слов со значением мыслительных процессов существенна в рассказе «Дама с собачкой», она довольно равномерно распространена по всему тексту.

Содержание воспоминаний героев может передаваться в рассказах посредством придаточных частей сложных предложений. Например: «*А помните, как я, вы и доктор ездили верхом в Шестово?*» («Верочка»); «*...вспоминал, как пятнадцать лет тому назад, осенью, он давал вечер*» («Пари»).

Другой формой обозначения объектов воспоминания являются предложно-падежные формы существительных: «*...напомнили ему об экзамене...*» («Володя»); «*Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые, серые глаза*» («Дама с собачкой»). Не так редко в рассказах объектом воспоминания становятся люди: «*...вспоминая впоследствии о хорошенькой Верочке*» («Верочка»); «*...припомнились ... две девочки-англичанки...*» («Володя»).

Довольно часто А.П. Чехов подчеркивает произвольность воспоминаний, независимость их от воли и желания человека. Это находит лексическое выражение в наречии «почему-то». Например: «*Почему-то совсем некстати пришла на память Ментона...*» («Володя»); «*...почему-то всякий раз ... я вспоминал, что ее муж считает меня своим другом...*» («Страх»).

Да и процесс мышления не всегда подчиняется воле и желанию человека: «*... почему-то он был не в силах не думать о ней...*» («Володя»); «*... почему-то в мою голову лезли мысли о том, что она любит*

своего мужа, что он мой друг и что она сама считает меня его другом» («Страх»).

Лексико-семантическую подгруппу предикатов размышления представляют в текстах рассказов следующие глаголы: *думать* (и однокоренные – *подумать, задуматься, вдуматься, надумать, придумать*), *мыслить, соображать – сообразить, рассуждать, взвесить – взвешивать* (предстоящие обязанности и ответственность).

Процесс размышления часто передается с помощью слов *мысль* и *мнение*. Например: *мысли текли* («Володя»); *отдалась своим мыслям, томила мысль, мысли приходили/пришли в голову, мысли путались, забродили в голове мысли, к веселым мыслям стали примешиваться и мрачные* («Володя большой и Володя маленький»). В группе размышления встречаются и существительные *рассуждения* и *раздумье*.

Прилагательные могут определять названные существительные: *самые разнообразные мысли, веселые и мрачные мысли* («Володя большой и Володя маленький»), *невеселые мысли, мысль об экзамене была противна, тяжелое, напряженное раздумье* («Володя»).

Содержание мыслей передают придаточные части сложных предложений. Например: «*Я думал о том, что случилось...*» («Страх»); «*И он думал о том, что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось и осталось теперь воспоминание...*» («Дама с собачкой»).

Употребляются в этой функции и предложно-падежные формы существительных: *думая о завтрашнем экзамене, думая об интрижке* («Володя»).

Объектом мысли персонажа может являться человек. Например: «*он был не в силах не думать о ней (Нюте)*» («Володя»); «*...она думала о муже, о детях, о своей матери*» («О любви»).

Непосредственно передается строй мысли героя в тех случаях, когда глагол *думать* вводит прямую речь. Так, в этой функции встречается глагол *думать* 9 раз в рассказе «Володя», 8 раз – в рассказе «Дама с собачкой». Например: «*Зачем она со мной пошла? Ведь ее придется провожать назад!*» – *подумал Огнев...*» («Верочка»); «*...что-то в ней есть жалкое все-таки, – подумал он...*» («Дама с собачкой»).

Иногда глагол *думать* появляется как средство определения душевного состояния задумчивости, без указания на объект раздумий. Например: «*...она задумалась в унылой позе...*»; «*...все сидел в постели и думал...*» («Дама с собачкой»).

По количеству употреблений слов лексико-семантической подгруппы размышления выделяются рассказы «Дама с собачкой», «Душечка», «Володя», «Володя большой и Володя маленький». Гурова заставило задуматься над многими вопросами жизни, задуматься о красоте природы, о чувствах людей, о смысле жизни настоящее, впервые испытанное чувство любви. Нельзя обойти молчанием особенности мыслительного процесса главной героини рассказа «Душечка», который сильно подвластен внешнему влиянию.

Многочисленна группа предикатов мышления в рассказе «О любви». Анна Алексеевна *рассуждала, думала, ее мучил вопрос*. Алехин *думал, старался понять, рассуждал, спрашивал себя, понимал, понял*. А.П. Чехов исследует осознание влюбленными создавшейся в их жизни ситуации и избираемый ими в соответствии с этим образ поведения. В тексте тематическую группу мышления представляют и существительные: *вопросы, решение, объяснение, разрешение, рассуждения, постановка вопросов*. Интересно отметить, что один и тот же предикат *рассуждал(а)* относится ко всем трем главным субъектам. Однако Алехин и Анна Алексеевна рассуждают о возможности любви, а Луганович «... *рассуждает с таким скучным здравомыслием...*», но «...*верит ... в свое право быть счастливым...*».

Вопрос о правомочности сомнений, колебаний, размышлений в любви остается нерешенным. С одной стороны, рассказ Алехина доказывает опасность для любви рассуждений («...я *понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить...*»). С другой стороны, размышления оказываются очень существенными, ведь и, «прозрев», герой не пытается изменить свою жизнь («*Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались – навсегда*»). Вывода автор не делает.

Семантическая подгруппа знания и понимания представлена в текстах рассказов следующими лексемами: *знать, сознавать, понять – понимать, убедиться, доказать, разобраться, дать отчет, ясно, понятно*.

Глагол *понимать* может характеризовать отношения людей. Например: «...я *видел по ее лицу, что она понимает меня и рада, что я тоже понимаю ее*» («Страх»); «...*понимали друг друга с полуслова...*» («О любви»).

Часто слова со значением знания и понимания употребляются с отрицательной частицей *не*. Непонятными остаются для героев их собственные чувства: «...*до сих пор еще не могу разобраться в своих тогдашних чувствах...*» («Страх»); «...*не понимал, в чем именно заключается вина его*» («Верочка»).

В рассказе «Верочка» существенны лексеммы со значением мыслительных процессов, характеризующие, с одной стороны, душевное состояние растерянности (*не зная, что говорить и делать* (35-й абзац), *решиительно не знал, что говорить* (45-й абзац), *не знал, что говорить* (48-й абзац), с другой – связанные с анализом Огневым собственного внутреннего состояния: *но ведь я ее ... люблю или нет? Вот задача-то!* (41-й абзац), *не понимал, в чем именно заключается вина его* (44-й абзац), *ему хотелось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не вне, а в нем самом, для него было ясно. Искренно сознался он перед собой, что это не рассудочная холодность ... а просто бессилие души* (59-й абзац). Герой размышляет (в тексте предикаты *думал, подумал, задумался*) о своей, для него самого в общем-то неожиданной реакции на признание в любви девушки, которая ему нравилась.

Таким образом, в тексте рассказа «Верочка» наблюдается тесная связь двух лексико-тематических групп – обозначений эмоционального состояния и слов со значением знания и понимания.

Неопределенность чувств подчеркивается и вводными словами со значением предположения. Например: «*Была ли это у меня зависть к ее красоте, или я жалел, что эта девочка не моя и никогда не будет моею и что я для нее чужой, или смутно чувствовал я, что ее редкая красота случайна и ... не долговечна, или, **быть может**, моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты, бог знает!*» («Красавицы»); «*Должно быть, я любил и его самого, хотя я не могу сказать это наверное*» («Страх»); «...и, **по-видимому**, любил его...» («Володя большой и Володя маленький»).

Не так редко в произведениях А.П. Чехова необъяснимость, непонятность чувств передается лексически при помощи неопределенных слов *отчего-то, почему-то*: «...*сильно волнуюсь **отчего-то**...*»; «... **почему-то** ... стало грустно-грустно...» («Володя большой и Володя маленький»), «*теперь **почему-то** я был рад этому*» («Страх»); «...***почему-то** он был не в силах не думать о ней, не глядеть на нее...*»; «... **почему-то** совсем некстати пришла ему на память Ментона...» («Володя»).

Неуверенность Володи из одноименного рассказа в своих чувствах, мыслях, ощущениях лексически выражается и в глаголе *казалось*. Например: «*Ему **казалось**, т-те Шумихина и ее племянницы глядят на него и его татап, как на бедных родственников и приживалов, что они не уважают татап и смеются над ней*»; «*Ему **казалось**, что он был влюблен в... Анну Федоровну*»; «*Володе **показалось**, что комната, Нюта, рассвет и сам он – все слилось в одно ощущение острого, необыкновенного, небывалого счастья...*».

В тексте рассказа «Володя» широко используются предикаты мышления (*(по)думать* (19 раз), *мечтать, вспоминать* (2 раза), *напомнить*) и существительные со значением обозначения мыслительных процессов *мысли, воображение* (3 раза), *мечтания, раздумье, воспоминания, память* (2 раза). Они довольно равномерно распределены по всему тексту, являясь средством включения прямой речи, мыслей героя. Обилие этих лексем в тексте говорит о погруженности главного персонажа в свой внутренний мир, в свои чувства, ощущения.

Многое в поведении героя объясняется именно его первой любовью, чувством, охватившим болезненно застенчивого юношу. Автор исследует осознание Володи своих чувств, того, что с ним происходит. Естественно, что среди предикатов, которые соединяются с номинациями главного героя, есть глаголы мышления: *думал, вспоминал, мечтал, знал, решил*.

Большое место в произведении «Володя большой и Володя маленький» занимают размышления главной героини о людях, которые ее окружают, о своей жизни.

Соответственно, с обозначениями героини соединяются предикаты мыслительной деятельности: *думала, вспоминала, отдалась мыслям*. Нередко, кроме того, в роли подлежащего выступает существительное *мысли*: *самые разнообразные мысли приходили в голову, мысли путались, забродили мысли*. Героиня полностью погружена в мир своих мыслей, в мир своей души.

Слова со значением мыслительных процессов, обозначающие цепочку (*не*) *понимать – понять* (13 раз), *непостижимо, непонятно* (3 раза), *понятна, (не) знать* (8 раз), *не способен различать, сознаю, мысль, не думать*), наряду со словами, обозначающими состояние страха, и цепочкой обозначений Силина через местоимение 1-го лица я, – семантический стержень фрагмента текста рассказа «Страх». *Недоумение* – эта лексема характеризует состояние героя-рассказчика в конце произведения.

А.О. Дерман указывает, что в статье «Чеховские финалы» А.Г. Горнфельда [4] было обращено внимание на одну характерную черту в конце многих рассказов Чехова: автор расстается со своим героем в тот момент, когда герой задумывается, погружается в размышление после того, что им пережито в результате описанных событий [5, с. 86]. Лингвистическое выражение это находит в предикатах мышления и обилии вопросительных предложений в прямой речи.

Герои не могут объяснить свои действия, поступки, порой неожиданные для них самих, не зависящие от их воли. Эту ситуацию характеризуют слова из рассказа «Верочка»: *«Первый раз в жизни ему приходилось убедиться на опыте, как мало зависит человек от своей доброй воли»*. Это положение можно проиллюстрировать и следующими примерами: *«...уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо»*; *«Я сама не знаю, что делаю»* («Дама с собачкой»); *«Сегодня я делаю что-нибудь, а завтра уже не понимаю, зачем я это сделал»* («Страх»). Понятно, что эти фразы передают душевное состояние героев – состояние неудовлетворенности собой, желания что-то изменить в своей жизни.

Эмоциональное состояние растерянности, смятения лексически может передаваться с помощью глагола *не знать*: *«...долго сидел на диване, не зная, что делать»* («Дама с собачкой»); *«...не знал, что ему говорить»* («Верочка»); *«...не зная, что сказать...»* («Страх»).

Естественно, что о чувствах других людей персонажи могут лишь предполагать, догадываться. Например: *«Я не знаю наверное, любит она меня или нет...»* («Страх»). Лексически это может выражаться и различными вводными словами, обозначающими разную степень уверенности: *«Небось, и стыдно, и больно...»* («Верочка»); *«...а она, мне кажется, по-прежнему равнодушна и, должно быть, бывает рада, когда я уезжаю из дому»* («Страх»).

Реже о состоянии других людей говорится с большей долей определенности: *«...мне ясно было, что никакого хозяйства ему не нужно, а нужно, чтобы день прошел – и слава богу»* («Страх»); *«...все было так понятно в ее жизни»* («Душечка»).

За пределами понимания остаются у героев Чехова многие явления жизни. Например: *«наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны»* («Страх»); *«Как зарождается любовь, почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого..., а полюбила именно Никанора ... все это неизвестно...»* («О любви»). Как отмечает В.Я. Линков, героям Чехова свойственно непонимание в широком смысле этого слова, непонимание самих себя, близких, действительности, этим во многом определяется конфликт, настроение и пафос произведений Чехова [6; с. 95].

В рассказе «О любви» группа слов со значением мыслительных процессов появляется в 3-м и 4-м абзацах текста в связи с необъяснимостью любви Пелагеи к Никанору и является значимой в масштабах всего текста. Эта лексико-тематическая группа в конечном итоге направлена на воссоздание душевного состояния человека: *«...когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы ...Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает – это я знаю»*. Совместимы ли размышления и любовь – на этот вопрос отвечает своим рассказом Аলেখин.

Две рассказанные Аলেখиним истории любви перекликаются, оставляя за пределами понимания рассказчика тайну зарождения любви: *«Почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого..., а полюбила именно Никанора ... все это неизвестно»* – *«...почему она (Анна Алексеевна) встретила именно ему (Лугановичу), а не мне...»*. Желание разобраться в чувствах людей лексически выражается в сочетании с предикатом понимания модального глагола желания: *старался понять*. В 25-м и 26-м абзацах текста лексико-тематическая группа обозначений мыслительных процессов становится особенно многочисленной. Здесь встречаются следующие слова: *рассуждать (2 раза), спрашивать себя, думать, мучил вопрос*. Кроме того, здесь много вопросительных предложений, прямо воспроизводящих мысли героев в форме несобственно-прямой речи.

Далее эмоциональное состояние героя-рассказчика находит выражение в следующих его словах: *«...не понимали, что делалось в моей душе, и думали, что я тоже радуюсь...»*.

Непонимание, необъяснимость каких-то явлений действительности рождает страх (*«страшно то, что непонятно»*) («Страх») и растерянность, неуверенность в себе (*«все у меня в голове перепуталось»*, *«у меня темно в глазах»*) («Страх»). Таким образом, в текстах рассказов наблюдается тесная связь двух лексико-семантических групп – обозначений эмоционального состояния и слов со значением знания и понимания.

Для героев характерно желание разобраться в своих чувствах, в чувствах других людей, что находит лексическое выражение в сочетании глаголов понимания и модальных глаголов желания. Например: *«...ему хотелось найти причину своей странной холодности»* («Верочка»); *«...старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит*

за неинтересного человека ... понять тайну этого неинтересного человека ... и я все *старался понять*, почему она встретила именно ему» («О любви»).

Бросается в глаза, что в рассказах А.П. Чехова обычен образ рассуждающего, думающего героя. Герои мучительно пытаются решить вопрос своей жизни, своей любви, само выражение решить вопрос настойчиво повторяется, переходя из произведения в произведение [7, с. 50]. В рассказе «Володя большой и Володя маленький», например, оно появляется 3 раза: «...хочется решить вопрос своей жизни...» Софье Львовне; Оля «уже решила для себя вопрос жизни», уйдя в монастырь; «*Неужели погребать себя заживо значит решать вопрос жизни?*» – спрашивает главная героиня любимого человека.

Строй и содержание мыслей персонажа передается и посредством вопросительных предложений в несобственно-прямой речи. Например: «*Зачем я это сделал? Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой? Причем тут фуражка?*» («Страх»); «*Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я мог увести ее? И как бы я могу увести ее? И как бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти или просто, если бы мы разлюбили друг друга*» («О любви»).

Значительно реже в рассказах выражается уверенность в знании: «*Знаю, что люблю безнадежно*» («Страх»). Иногда эта уверенность мнимая, ведущая к прямо противоположным суждениям: «...убедилась наконец, что любит его (мужа) страстно...» – «... она также убедилась, что от прежнего чувства (к Володе маленькому) в ее душе не осталось даже искры», а чуть дальше: «... для нее уже ясно было, что мужа своего она не любит и любить не может, что все вздор и глупость...» («Володя большой и Володя маленький»). Обращает на себя внимание предикат *убедилась*, вызывающий из-за своей повторяемости у читателя недоверие к переоценке героиней отношения к мужчинам. Лексико-тематическая группа со значением мыслительных процессов многочисленна и значима в пределах всего текста. Эти лексемы характеризуют погруженность главной героини в мир своих мыслей и чувств.

С глаголами знания и понимания связано переосмысление ценностей жизни, что характерно для героев рассказов «Пари», «О любви», «Дама с собачкой».

Юрист подводит итог своим размышлениям в добровольном заточении: «*Я знаю, что я умнее всех вас ... Я не хочу понимать вас*».

Алехин делает такой вывод: «*Я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе*». С глаголами знания

и понимания связано переосмысление ценностей жизни в сознании героя-рассказчика, изменение представления о ценности любви. Однако размышления не приводят к активным действиям, они отклоняют такие действия: «*Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались – навсегда*».

Герои «Дамы с собачкой» осознали свое чувство: «...он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе и важнее человека...»; «*И обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается*».

По количеству употреблений слов со значением знания и понимания значительно выделяется рассказ «Страх». Нужно отметить также, что больше половины употребленных лексем имеют отрицательную частицу *не*. *Не понимаю, не знаю, непонятно* – часто подобные предикаты появляются в речи Дмитрия Петровича Силина, который самораскрывается в своей исповеди, отражающей его пессимистическое мировосприятие. Он страдает от отчаяния в своих попытках что-либо понять на этом свете. Главный герой рассказа чувствует себя утерявшим иллюзию понимания жизни: «*Нормальному, здоровому человеку кажется, что он понимает все, что видит и слышит, а я вот потерял это “кажется”...*». Силину непонятно все: личные отношения с женой («*Безнадежная любовь к женщине, от которой имеешь уже двух детей!*»), собственные поступки, действия, обездоленное положение крестьян, ложь в человеческих отношениях, измена жены, предательство друга, природа, загробный мир. Все абсурдно. Выработанный Чеховым подход к оценке жизненного явления с позиции человека, «ничего не понимающего в жизни», Э. Симмонс расценивает как новую ступень в развитии русского реализма. Чеховский реализм, по мнению Э. Симмонса, «подчеркивал не события, происходившие в жизни, а внутреннюю реакцию героев на них» [8].

«*Страшно то, что непонятно*». Душевное состояние Силина определяет страх, что выражается в следующих предикатах: *боюсь, страшно, испугался*. Мотив страха перед жизнью усиливается и разрастается. Страх достигает кульминации, когда герой открывает измену жены и предательство своего друга. Теория Силина получила реальное подтверждение событиями, происшедшими на глазах читателя.

Общую неуверенность и страх перед жизнью подчеркивают и частые в исповеди Силина вводные слова и предложения, выражающие сомнение, неуверенность: *кажется, быть может, вероятно*. Герой осознает свою беспомощность и незначительность, что предопределяет трагизм его существования.

Подгруппа, обозначающая результат мыслительной деятельности, представлена в рассматриваемых рассказах лексемами *решить* и *решение*. Они появляются 6 раз. Размышления героев часто не приводят к активным действиям. «Бросается в глаза, что вопрос, занимающий, волнующий чеховского героя, либо вовсе остается нерешенным («Дама с собачкой»), либо

его решение оказывается мнимым, неудовлетворительным» [7, с. 50]. Своим рассказом Алехин («О любви») пытается доказать, что нужны были активные действия в то время, когда он сомневался, размышлял. Но столь же определенно читатель понимает правомерность размышлений, которые отклонили действие [7, с. 50].

Еще одну подгруппу предикатов интеллектуальной деятельности представляют глаголы воображения: *мечтать, грезить*. Сюда же примыкают существительные *мечтание, мечты, воображение*. Всего в рассматриваемых рассказах они встречаются 9 раз. Володя из одноименного рассказа *мечтал о чистой и поэтической любви*, Душечка «...*грезит о том будущем, далеком и туманном, когда Саша, кончив курс, станет доктором или инженером, будет иметь собственный большой дом, лошадей, коляску, женится и у него родятся дети...*».

Подгруппа глаголов познания представлена в текстах рассказов А.П. Чехова следующим образом: *заниматься, изучать*. Так, лексика интеллектуальной деятельности многочисленна и разнообразна в рассказе «Пари». Герой изменяется в результате интеллектуальных занятий (в тексте предикаты *читал, усердно занялся изучением, жадно принялся за эти науки, внимательно изучал*): «*Ваши книги дали мне мудрость*». На протяжении рассказа герой становится другим человеком, но этапов прозрения читатель не видит, показан лишь результат душевной работы, размышлений о смысле и ценности жизни.

Заключение. В лексической системе рассматриваемых рассказов субъекты и предикаты лексико-семантической группы обозначений мыслительных процессов довольно многочисленны и разнообразны, они встречаются во всех текстах. Это и понятно, ведь воссоздание внутреннего мира человека, его мыслей, мечтаний существенно в произведениях А.П. Чехова.

Количественное распределение лексем со значением мыслительной деятельности (с учетом слов разных частей речи) представлено в таблице.

Наибольшее количество таких слов встречается в рассказах «Дама с собачкой», «Страх», «Володя большой и Володя маленький». Подгруппы слов со значением памяти, размышления, знания и понимания по-разному количественно представлены в каждом конкретном рассказе, что обусловлено в конечном итоге содержанием произведения.

Подгруппа лексем памяти преобладает в рассказах «Верочка» и «Пари», в которых события излагаются в форме воспоминания главных персонажей.

Лексическая подгруппа размышления существенна и многочисленна в рассказах «Дама с собачкой», «Душечка», «Володя», «Володя большой и Володя маленький», «О любви». Множественность лексем со значением мыслительных процессов в рассказах «Володя», «Володя большой и Володя маленький» говорит о погруженности их главных персонажей в свой внутренний мир, о постоянном их самоанализе. Большое место в рассказах «О любви», «Дама с собачкой» отдано размышлениям персонажей о нелепости жизни, осознанию ими чувства недовольства собой и своим существованием. В последнем рассказе эмоциональное отношение Гурова к героине выражается и посредством предикатов мыслительной деятельности.

Подгруппа слов со значением знания и понимания наиболее многочисленна в рассказах «Страх», «Красавицы», «Человек в футляре».

Значение процессов интеллектуальной деятельности выражается в текстах рассматриваемых рассказов в большинстве случаев глаголами, среди которых наиболее частотны *помнить, думать, понимать*. Лексико-семантическая группа слов со значением мыслительной деятельности представлена и существительными, прилагательными, словами категории

Таблица

Лексемы со значением мыслительной деятельности

	Подгруппа со значением памяти	Подгруппа со значением размышления	Подгруппа со значением понимания	всего
«Верочка»	16	7	7	30
«Володя»	8	20	1	29
«Красавицы»	3	0	11	14
«Пари»	4	2	1	7
«Страх»	3	9	41	53
«Володя большой и Володя маленький»	11	18	10	39
«Человек в футляре»	1	5	6	12
«О любви»	2	12	10	24
«Душечка»	2	21	10	33
«Дама с собачкой»	15	27	21	63
Всего	65	121	118	304

состояния. Большинство слов повторяется в отдельном рассказе и от рассказа к рассказу, количество неповторяющихся обозначений интеллектуальной деятельности не так велико.

Предикаты и субъекты, обозначающие мыслительные процессы, разнородны по семантике. Выделяются их подгруппы со значением памяти, размышления, понимания, решения, воображения, познания.

Содержание предикатов может раскрываться различными способами: придаточными частями сложно-подчиненных предложений, предложно-падежными формами существительных, прямой речью и несобственно-прямой речью.

Лексико-семантическая группа обозначений мыслительных процессов тесно связана с лексической группой обозначений эмоционального состояния. Особенно отчетливо проявляется эта взаимосвязь в рассказах «Верочка», «Страх», «О любви». Обозначения мыслительных процессов участвуют опосредованно в передаче душевного состояния человека или лишь указывают на него, они могут воссоздавать атмосферу неуверенности, растерянности персонажей.

Литература

1. Маслова, В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография / В.А. Маслова; М-во образования Респ. Беларусь, Учреждение образо-

вания «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 104 с. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/5277>. – Дата доступа: 26.01.2024.

2. Абакумова, А.В. Рассказы Чехова второй половины 80-х гг. XIX в. (Художественная система чеховских рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Абакумова. – М., 1974. – 23 с.
3. Кунтыш, М.Ф. Лексико-тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления в лексической структуре рассказов А.П. Чехова / М.Ф. Кунтыш // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – Т. 34. – С. 160–170. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/31466>. – Дата доступа: 26.01.2024.
4. Горнфельд, А.Г. Чеховские финалы / А.Г. Горнфельд // Красная новья. – 1939. – № 8–9. – С. 286–300.
5. Дерман, А.О. О мастерстве Чехова / А.О. Дерман. – М.: Совет. писатель, 1959. – 208 с.
6. Линков, В.Я. Чехов – писатель эпохи всеобщего обособления / В.Я. Линков // Русская литература 1870–1890 годов. – Вып. 10. – Свердловск, 1977. – С. 93–100.
7. Гурвич, И.А. Проза Чехова (Человек и действительность) / И.А. Гурвич. – М.: Худ. лит., 1970. – 183 с.
8. Simmons, E. Introduction to Russian Realism: Pushkin, Dostoevsky, Gogol, Tolstoy, Chekhov, Sholokhov / E. Simmons. – Bloomington, 1965. – P. 185.

Поступила в редакцию 14.02.2024